

ОСОБЕННОСТИ АРМЯНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ЛИТЕРАТУРЕ ПУТЕШЕСТВИЙ (НА ПРИМЕРЕ «ПУТЕШЕСТВИЯ В ЛЕВАНТ» ТУРНЕФОРА)

КАРАГЕЗЯН Г.

goharlevonovna@gmail.com

В 1700–1702 гг. известный французский путешественник, член Парижской академии наук, профессор ботаники Королевского сада медицинских растений в Париже Жозеф Питтон де Турнефор вместе с немецким ботаником Андреасом фон Гунделсхаймером и художником Клодом Обрие совершил путешествие в Грецию, Малую Азию, Персию, Грузию и Армению. Его рассказ о путешествии представлен в виде писем (22 письма), адресованных его заказчику, канцлеру Франции Луи Филиппу де Поншартрену. Армянская часть его «Путешествия в Левант» в основном отражена в письмах XVIII–XXII, правда, упоминания об армянах и описание географических и культурных реалий, связанных с армянским миром, можно встретить во многих отрывках его путевых записей, касающихся, в частности, Малой Азии.

Направляясь в Армению, Турнефор имел определенное представление о стране и населявшем его народе, которое сложилось у него на основе различных источников. Это сочинения авторов античности, путешественников, побывавших в армянских землях, и труды историков и географов. К произведениям предшественников и современников (Жану Шардену, Жаку Виллоту, Жан-Батисту Тавернье, Жану де Тевено, Филиппу Аврилю, Флорио д'Арменовиллю и др.) он постоянно апеллирует в своей реляции и приводит цитаты из их произведений. Эти интертекстуальные вкрапления, «текст в тексте», в одном случае с прямым указанием на источник, в другом – без упоминания автора текста, – излюбленный прием многих авторов путевых записок. Собственный опыт наблюдения и общения дает возможность верифицировать материал, представленный предшественниками. Сказанное в наибольшей степени соответствует турнефоровскому художественному методу построения текста. Не надо забывать, что путешественники, побывав-

шие на Востоке до Турнефора, были в основном купцами и миссионерами. Как справедливо отметил В. Бартольд, начиная с XVII века *«мы видим первые примеры европейских путешествий на Восток исключительно с научной целью, независимо от каких бы то ни было политических, коммерческих или миссионерских задач. Первое из этих путешествий и есть именно путешествие Жозефа де Турнефора, профессора ботаники в Jardin des Plantes в Париже, в Малую Азию, Армению и Персию (1700–1702)»*¹.

Путешествие Турнефора в Левант в основном имело целью исследование естественнонаучных проблем, однако, будучи человеком широкого кругозора и пытливого ума, он не мог не коснуться вопросов, стоявших за пределами его научных интересов. В его травелогe читатель может найти ответы на многие вопросы, имеющие отношение к эпохе, территории, населяющим ее народам, статистическим данным относительно численности населения, памятникам архитектуры, обычаям, нравам, религиозным различиям, особенностям национального характера и т.д. Взгляд ученого, естественно, несколько отличен от взгляда купца или миссионера, поскольку все упирается в целеполагание: что ставится во главу угла, на чем делается акцент, какие цели преследует путешественник. Правда, диапазон интересов тех же купцов и миссионеров достаточно широк. Однако сквозь палитру сведений религиозного, торгово-экономического, политического характера вырисовывается главная для автора тема, выступающая в целом в качестве определяющей и характеризующей путешествие доминанты. Исследуя тексты путешественников, важно определить уровень их знаний, изучить тот информационный «багаж», с которым они направлялись на Восток. Мы ни в коей мере не хотим ставить под сомнение степень образованности купцов и миссионеров (более того, смеем заметить, что наивный и полный любопытства взгляд на чужеземный мир «непросвещенного» порой представляет не меньший, если не больший интерес, чем взгляд ученого). Вопрос не столько в эрудиции, сколько в умении обобщать, сравнивать, делать логические выводы.

Однако вернемся к Турнефору. Как было отмечено, его интересовали в первую очередь естественнонаучные проблемы, в частности, ботаника. При чтении его записей нередко создается впечатление, что мир растений для него важнее и милее, чем мир людей, но это не мешает ему выйти за рамки

¹ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России, изд. 2-е, Л., 1925, гл. IX, с. 117.

своих узконаучных интересов и коснуться многообразных вопросов восточной цивилизации. При этом он не столько описывает и констатирует увиденное и услышанное, сколько пытается сопоставить увиденное воочию со сведениями, приведенными в трудах предшественников, перепроверяет и уточняет эти данные, вносит коррективы в имеющийся по Востоку материал и, что немаловажно, как специалист по систематике растений систематизирует любую информацию, имеющую отношение к Востоку. Здесь и наиболее ярко проявляются его исследовательские способности и эрудиция. Да и сама композиция травелога говорит за себя. Путевые записи, имеющие отношение к армянским землям, подвластным туркам и персам (письма XVIII и XIX), сменяются подробным описанием нравов, религии, специфики национального характера армянского народа (письмо XX). Если путевые заметки основаны на реальных событиях, на его непосредственных наблюдениях и впечатлениях с привлечением материала из работ авторов предшествующих эпох (который, несомненно, был включен в текст впоследствии), то XX письмо – «Обычаи, религия и торговля у армян» – народоведческое исследование, написанное по прошествии времени на основе «переваренной» и освоенной информации. Письмо начинается следующими строками: *«По вечерам, во время пребывания в Эрзеруме, нами записывались сведения, полученные при общении с армянами, главным образом в монастыре, где мы жили; в дальнейшем наши ремарки вкупе с заметками, сделанными в других монастырях, а также в дороге, позволили мне на основе достаточно богатого материала адресовать Вам это письмо. Прошу Вас, милостивый государь², принять плоды наших бесед»³(XX, 251)⁴.*

Материал, на основе которого был написан очерк, действительно очень богатый. К числу перечисленных Турнефором источников получения информации следует добавить и письменные, в частности, литературу путешествий. Турнефоровский взгляд на армянский мир, с одной стороны, яв-

² Письма адресованы канцлеру Франции Луи Филиппу де Поншартрену (1643–1727).

³ Все переводы из оригинала выполнены автором статьи.

⁴ Здесь и далее в скобках указаны страницы третьего тома Лионского издания 1717 года (*Relation d'un voyage du Levant: fait par ordre du Roi par M. Pitton de Tournefort: contenant l'histoire ancienne & moderne de plusieurs isles de l'archipel, de Constantinople, des côtes de la Mer Noire, de l'Arménie, de la Géorgie, des frontières de Perse et de l'Asie Mineure ...*, t.3, Lyon, 1717).

ляется его личным, субъективным восприятием, с другой – отражением в какой-то степени суммарного, итогового образа страны и народа в ту эпоху. Причем умозаключения, к которым приходит путешественник в XX письме, зачастую подтверждаются приведенным в его путевых записях материалом.

В «Путешествии в Левант» автор соотносит современность и прошлое, сопоставляет свой, «европейский мир», с другим, «чужеземным». «Свое» пространство Турнефор отождествлял не только с Францией, но и с миром античной древности – колыбелью европейской цивилизации. Путешествие по Греции и островам архипелага для него представляет несравнимо больший интерес. Что же касается «чужого» мира, то он в глазах Турнефора неоднороден. Пересекая земли турецкой и персидской части Армении, а также персидской Грузии, он обнаруживает мир, в котором сосуществуют несколько миров. На исконно армянских землях властвовали турки и персы, на караванных путях разбойничали курды. Но несмотря на это в стране продолжали жить и трудиться армяне. Геокультурный ландшафт говорил сам за себя. Армянский след был повсюду. Географические реалии – названия населенных пунктов, их местоположение, природные условия и элементы рельефа несли на себе печать генетического прошлого Армении. Свидетелями армянского культурного наследия были монастыри, церкви, крепости, мосты, жилые постройки, могилы. Отличительными маркерами территории выступали также сакральные места: святые горы, долины, рощи, реки, источники. Между тем это традиционно армянское пространство стало чужой территорией. Новые хозяева этой территории пытались создать на ней «свой мир», стремились маркировать ее как свою и с помощью этого маркирования легитимировать своё присутствие на этом пространстве. Об этом, в первую очередь, свидетельствуют переименованные области, города, реки, горы. Не случайно Турнефор в своем историческом экскурсе зачастую упоминает первоначальные названия местностей и приводит двойные названия рек и гор. Освоение завоеванной территории сопровождалось внедрением нового порядка во все сферы жизни общества. Выражаясь словами Мирчи Элиаде, необходимо было заново «освятить» пространство (территория становится «своей» лишь после ее «сотворения» заново, т. е. освящения)⁵.

В пору совершенного Турнефором путешествия территория Армении в результате турецко-персидских войн была разделена между Сефевидской

⁵ Элиаде. Священное и мирское, гл. 1, с. 28, <https://www.litmir.co/br/?b=93096&p=1>.

Персией и Османской Турцией (1639г.). На этом геополитическом пространстве сосуществовали различные культурные миры, так сказать «мир в мире», которые путешественнику предстояло понять и по возможности объективно отобразить. Турнефор не ставит перед собой задачу противопоставления этих миров, но и не проходит мимо их различий и существующих между ними противоречий. Этот способ выстраивания повествования в корне отличается от композиции сюжета в травелогах западноевропейских путешественников средневековья, главным идеологическим критерием которых является дихотомия «христианин – иноверец». «Свое – христианское» пространство – в их реляциях – это не только географическое, но и нравственное понятие. *«Нет земель лучших и столь прекраснейших, населенных столь честным людом, чем в нашем, христианском мире; у нас и пища приятнее и вкуснее, одежда добротнее, и нравы благороднее, и обычаи лучше. Превыше же всего наша вера»*⁶. Под этими словами французского путешественника XIV века Журдена де Северака могли бы подписаться многие западноевропейские путешественники средневековья. При этом в их травелогах понятие «свой-христианин» не является однородным: в него входит как свое, западноевропейское христианство, так и восточное христианство. Однако восточное христианство, в данном случае Армянская апостольская церковь, не представлено в них как оппозиция католичеству. Эта разновидность ими рассматривается как явление временное, преходящее; часть армян уже обращена в истинную веру, остальная часть будет обращена в скором будущем – таково убеждение миссионеров-путешественников. В настоящем же армяне-католики и армяне-схизматики объединены с западными христианами единой конфессиональной общностью «мы – христиане», а следовательно, «мы – союзники в борьбе с неверными», «мы – имеющие единую христианскую историю», «мы – призванные обратить в христианство идолопоклонников» и т.д.

Миновала эпоха крестовых походов, пала Киликийская Армения, Константинополь был взят турками. Османская империя на рубеже XVI–XVII вв. в результате завоевательных походов турецких султанов стала занимать огромную территорию в трех частях света – в Европе, Азии и Афри-

⁶ Журден де Северак. Чудеса, описанные братом Журденом из ордена проповедников, уроженцем Северака и епископом города Колумба, что в Индии Наибольшей (в кн.: После Марко Поло, пер., введ. и примеч. Я. М.Света, М., 1968, с. 158).

ке. По мере роста могущества империи османов многие европейские правители стали проявлять все большую заинтересованность в дружественных отношениях с нею. Османская империя была вовлечена в сферу европейской внешней политики.

Что касается Франции, то она, некогда принимавшая столь активное участие в крестовых походах, заключила в 1535 году договор «о мире, дружбе и торговле» с Османской империей против христианской державы – Австрийской империи Габсбургов. С Францией Османская империя поддерживала дипломатические и экономические отношения. По сравнению с другими христианскими народами французы оказались в привилегированном положении в вопросе свободного доступа к портам Османской империи и торговли с Ближним Востоком. При Людовике XIV франко-турецкие отношения получили новый размах. Благодаря содействию османских властей французские купцы и миссионеры свободно пересекали восточные страны. Естественно, новый расклад сил на мировой арене требовал выстраивания новых отношений с Портой, изменения внешней политики. А для этого необходимо было располагать широкой информацией о стране и ее народе, которую следовало изучить и осмыслить.

Вернемся, однако, к нашему путешественнику. Возложенная на него миссия по сбору растений предусматривала также, как уже было отмечено, исследование территории и сбор разнообразной информации. И эта информация должна была быть по возможности объективной и достоверной. Именно критерия истинности и старался придерживаться Турнефор. При этом в «Путешествии в Левант», как впрочем и в записках путешественников этого периода, в отличие от путевых записей эпохи средневековья, антитеза «христианин – иноверец» выражена недостаточно четко: для них, скорее, приемлема дихотомия «принадлежащий к западному миру – не принадлежащий к западному миру». «Не Запад» репрезентируется по-разному. Он множественен. Турнефор дифференцирует пространство и населяющие его этносы. Это пространство являет собой географическую, историческую, политическую, экономическую реальность, которая делится на подпространства: географическое пространство – природный ландшафт и геополитическое пространство (историческая территория Армении, по Турнефору, с точки зрения пространства власти, делится на турецкую и персидскую). Вместе с тем эта территория представляет собой конфессиональное и этническое

пространство, в котором сосуществуют разные религии и этносы. Каждое из этих подпространств воспринимается и понимается по-своему. Самым опасным было курдское пространство. Курды контролировали дорогу и грабили проходившие мимо караваны (*«Расположенные лагерем у истоков Евфрата, они были в этих краях сущим бедствием для путешественников... Они не признают даже турок и обдирают их, как и всех, при любом удобном случае. Они не подчиняются ни бейлербею, ни паше»*) (XVIII, 119). Персидское и турецкое пространства оцениваются путешественником на основе фиксации тех или иных различий.

Путешествие Турнефора по армянской стране было начато с земель, подвластных туркам, включая Карс. Далее начинались земли, подчиненные персам, – Персидская Грузия и Персидская Армения. *«Жесткий нрав турок Карса», «недобрый взгляд, которым нас смеряли с головы до ног турки»,* контрастировали с приветливостью местных жителей. Кроме того, *«границу Грузии можно было беспрепятственно пересечь. И вообще, земли царя Персии можно было пройти без предъявления дозволения»* (XVIII, 156). Турецкая же сторона была полна опасностей и ловушек. Турнефора в Карсе приняли за шпиона князя Московского и отказались дать разрешение на выезд. Иностранцам здесь приходилось нелегко. Турнефор сетует по поводу жесткого обращения с чужестранцами, особенно с миссионерами. С последних даже срывали головные уборы, чтобы удостовериться в наличии тонзуры. Бедные *«апостольские люди вынуждены были пропускать свой караван... и дожидаться оптового армянского торговца или франка, надеясь, что они проявят милосердие и заплатят за них», «офицеры Карса доставляют иностранцам много неприятностей и выманивают у них все, что могут»* (XVIII, 112).

Обращаясь к анализу пространственной организации «Путешествия», следует также выделить городское пространство и дорожный ландшафт. Городское пространство – центр – периферия – четко сегментировано по национально-этническому, социальному и религиозному признаку. Периферия, как правило, заселена «иноверцами» – армянами, греками, евреями, сфера деятельности которых обычно ограничивалась ремеслом или торговлей, ибо они лишены были возможности сделать военную либо административную карьеру (*«турки презируют греков и заставляют их селиться на окраинах Синопа»* (XVII, 50); *«нас, нечестивых, поселили в окрестностях с*

греками» (XVII, 50); *«только мусульманам дозволено жить в городе [Пруса], предместье же.... населено евреями, армянами и греками»* (XXI, 342); *«в Скала Нова (близ Смирны – К.Г.) обитают турки и евреи, греки и армяне – в предместье»* (Amst.,XXII, 207); *«греки, в основном жестяники, заселяют предместье Эрзерума»* (XXI,109) и т. д.. Освоенное пространство городов противостоит хаосу пути (*«в городах установлен порядок, здесь не услышишь разговора о ворах: они все за городом»*) (XVIII, 86). Путь их был труден и непредсказуем: границы групповой «курдской» территории, связанные с сезонной сменой пастбищ и представляющие угрозу для путешественников, равно как и пограничные турецкие посты таможенной стражи в сопредельных с Персией местностях, наличие бурных рек, которые приходилось переходить вброд, труднопроходимых горных мест, не говоря о сопряженном с риском восхождении на Арарат и т.д.

Турнефор подмечает то, что ускользает от взора местного жителя. Он присматривается к пространству, вживается в него. К взгляду человека извне присовокупляется взгляд исследователя, знатока ландшафта страны.

Что касается армянского пространства (а оно может быть большим, охватывать ряд областей, сел, предместий, но может также сужаться до каравана или границ одной церкви), то оно предстает перед нами безопасным и предсказуемым. Так, Турнефора и его спутников тепло принимали священнослужители. Здесь, в церквях, путешественники находили кров и душевное тепло. Общение с армянами каравана (*«наши армяне»*, – так называет их Турнефор), отдельные встречи с армянами (встреча с армянскими купцами у английского консула Prescot, с армянами, выплачивающими за франков таможенные пошлины, с епископом Красного монастыря, *«походившим на нас своей учтивостью»* и предотвратившим в результате переговоров с курдами разбойничье нападение на Турнефора и его попутчиков, с идущими навстречу каравану армянами, несущими еду и питье не только своим соотечественникам, но и им, французам, и т.д.) – таков далеко не полный спектр общения путешественника с армянами. *«Нет ничего более поучительного, – пишет Турнефор в XX письме, – чем видеть, с каким милосердием в караванах они приходят не только на помощь друг другу, но и людям другой национальности. Эти добрые люди своим поведением почти не причиняют беспокойства, они избегают слишком чванливых иностранцев, к миролюбивым же относятся с уважением; они с готовностью поселяют их у себя и с*

радостью их потчуют. Когда мы облегчали страдания кому-то из их больных, нас начинал благодарить весь караван. Когда им сообщают о приближении каравана, они в течение двух-трех дней идут навстречу своим собратьям, неся им освежающие напитки, а также хорошее вино: они не только угощают им франков, но и учтиво предлагают выпить за их здоровье» (XX, р. 253).

Мы коснулись одной из интересных тем, затронутых Турнефором, – темы этнического образа, который напрямую связан с образом страны. Какие они, армяне, глазами французского путешественника? Турнефор в своем травелогe специально не останавливается на характеристике той или иной нации. Он касается национального характера и склада мышления лишь попутно, в связи с теми или иными эпизодами, имевшими место во время путешествия или в результате непосредственного контакта с представителями различных наций и исповеданий. В одном случае национальный характер вырисовывается через фиксацию и сравнение различий, проводимых самим автором, в другом же автор предоставляет читателю возможность самому домыслить и сконструировать образ. Фиксируя отличительные признаки этнического образа, он прибегает к сравнению различных этносов, их поведенческих особенностей в той или иной ситуации. Сопоставительной и оценочно-описательной характеристикой армян и грузин, армян и греков, армян и турок, греков и турок, армян и евреев, турок и персов, не говоря уже о сравнении людей разных конфессий, он занимается на протяжении всего путешествия.

Турнефор советует передвигаться караванами, состоящими предпочтительно из французов и турок – людей, способных оказать сопротивление, в отличие от греков и армян, которые *«не любят противоборствовать; их часто вынуждают, как поговаривают в стране, платить за кровь не убитого ими разбойника»* (XVIII, 86–87). Вопросы о *«несклонности [армян] к сопротивлению»* он касается во время путешествия по Грузии. Описывая армян, живущих в Грузии, путешественник, естественно, передает информацию, полученную на месте. Это, скорее, взгляд изнутри, чем извне. *«Шах Персии признает патриарха Грузии, не требуя ни подарков, ни денег. Что касается патриарха армян... то он, чтобы получить признание, расходует более 20000 экю, не считая свечей, которые поставляет для шахского дворца...»* (XVIII, 172–173).

А между тем грузины, имеющие, как пишет Турнефор, *«склонность менять хозяев»*, лавируют между турками и персами. Последние, дабы сохранить статус-кво, *«вынуждены больше расходовать, чем получать доход»*. Что же касается грузинского царя Ираклия⁷, то будучи человеком православного вероисповедания, он вынужден был сделать обрезание, ибо шах Персии назначал правителем страны лишь магометанина. *«Сказывают, – сокрушается Турнефор, – что этот несчастный исповедовал две религии; шел в мечеть, а возвращался с мессы из церкви капуцинов, где тил за здоровье Его Святейшества»* (XVIII, 163–164).

Что больше всего удивило Турнефора в грузинах, так это то, что они отказывались продавать им продукты питания, а предлагали обменивать их на всякие безделушки. Турнефора поразило и то, с каким почтением в Грузии относились к палачам. В Грузии *«хващаются предками-палачами, здесь основываются на принципе, что нет ничего лучше, чем творить правосудие»* (XVIII, 165).

Турнефор порицает грузин за пристрастие к алкоголю. *«Грузины – большие пьяницы... Безмерное пьянство привело к порче здоровой крови, ибо ничто так не может споспешествовать рождению здорового потомства, как упорядоченный образ жизни...»* (XVIII, 167). Путешественник сокрушается по поводу тотального *«пьянства, царящего среди христиан Тбилиси, которые христиане лишь по названию; впрочем, и магометане, и евреи не очень-то живут по правилам. Вино – источник всех беспорядков»* (XVIII, 167). Далее, по поводу пристрастия грузин к вину, он приводит точку зрения Шардена, утверждающего, что в мире *«мало стран, где пьют столько вина, сколько в Грузии»*. А в этой связи вот что он пишет в XX письме об армянах: *«Обычно армян не упрекают за пристрастие к вину, мы не замечали, чтобы они им злоупотребляли: наоборот, надо признать, что из всех путешественников армяне наиболее воздержанные в пище и вытрезке»* (XX, 256). Сказанное, безусловно, основывается на личном опыте общения с путешествующими в караване армянами. О традиции употребления вина армянами говорит и Флорио д' Арменовиль в книге *«Нынешнее положение Армении...»*, опубликованной за пять лет до путешествия Турнефора: *«...несмотря на то, что они пьют много, они лишь в редких случаях теряют*

⁷ Речь идет об Ираклии I (1637 или 1642 – 1709). Сменив вероисповедание, Ираклий принял имя Назарали-Хан.

рассудок, и их пьянство не имеет тех печальных последствий, которые в результате этого постыдного беспутства испытывают [на себе] другие народы»⁸.

Касаясь отличительных особенностей характера греков, он отмечает, что они «самые дружественные в мире люди» и вдобавок ко всем другим качествам – «беспощадные говоруны» (Amst. XIV, 55). Посетив армянский монастырь в Бджни, он приходит к выводу, что «добросердечные монахи были учтивы, но не проявили того благоволения, с которым к нам отнеслись греческие монахи. Армяне более степенны» (XIX, 186). Немногословность и сдержанность армян отмечают многие путешественники. «Они говорят мало, много спрашивают советов, – отмечает д' Арменовиль, – среди них почти не услышишь брани и [не увидишь] неистовых вспышек гнева. Они тотчас теряют уважение к человеку, если замечают, что он подвержен вспыльчивости и приступам ярости»⁹.

А вот как характеризует турок, греков и армян, на основе внешнего облика, французский путешественник и художник XVIII века Антуан-Лорен Каstellан: «Турок выделяется среди прочих высокомерием, степенным голосом и поступью. Грека можно узнать по живости манер и движений, по певучести голоса, армянина же – по тихости нрава, терпеливости и вдумчивости»¹⁰.

Описывая Эчмиадзинский собор, Турнефор отмечает богатство его убранства, что, по его разумению, объяснимо, поскольку «армянские торговцы, получающие большой доход от торговли в Европе, одаривают церкви богатыми подарками. Удивительно, что персы не противятся подобной роскоши, в то время как турки, наоборот, не позволяют грекам иметь в их церквях даже серебряную лампаду» (Amst, XIV, 55). В другом отрывке «Путешествия...» читаем: «Нищета греков обнаруживается в самом том, что ни на есть для них святом: им едва хватает на две свечки, чтоб заказать мессу. У армян же, наоборот, можно увидеть великолепное освещение с большими факелами; их пение также более приятно, симфония же колокольчиков,

⁸ Fleuriau d'Armenonville, Thomas Charles, *Estat présent de l'Arménie, tant pour le temporel que pour le spirituel. Avec une Description du pays et des moeurs de ceux qui l'habitent*, P., 1694, p. 7.

⁹ Там же.

¹⁰ **Castellan A.L.**, *Lettres sur l'Hellespont et Constantinople, faisant suite aux Lettres sur la Morée*, première partie, P., 1811, p. 54.

Особенности армянского национального характера...

привязанных к инструменту¹¹, вдохновляет на нечто такое, что смягчает сердца; и эта симфония звучит и при чтении Евангелия...» (XX, 279).

Касаясь вероисповедания армян и греков, он затрагивает тему их нетерпимости друг к другу, уходящую корнями в постановления Халкидонского Собора: «Непримиримая вражда между армянами и греками берет начало именно с этого собора; и неприязнь эта настолько велика, что стоит греку переступить порог армянской церкви или, наоборот, армянину войти в греческую, и те и другие считают ее оскверненной и освящают ее заново» (XX, 261).

Небезынтересно отметить, что спустя десятилетие к сравнению армян и греков обратится и Иммануил Кант: «У армян господствует какой-то торговый дух особого рода, а именно: они занимаются обменом, путешествуя пешком от границ Китая до мыса Корсо на Гвинейском берегу; это указывает на особое происхождение этого разумного и трудолюбивого народа, который по направлению от северо-востока к юго-западу проходит почти весь Старый Свет и умеет найти радушный прием у всех народов, у которых они бывают; это доказывает превосходство их характера (первоначального формирования которого мы уже не в состоянии исследовать) перед легкомысленным и пресмыкающимся характером теперешних греков»¹².

А вот строки, с которых начинается XX письмо Турнефора; «Армяне лучшие в мире люди, честные, вежливые, полные здравого рассудка и целомудрия... Они не только хозяева левантской торговли, но принимают также участие [в торговле] наиболее крупных городов Европы... Из земледельцев, коими являлись армяне, он [Шах Аббас] сделал торговцев, и эти торговцы стали самыми известными коммерсантами земли» (XX, 251).

В свете сказанного заслуживает внимания близкий по смыслу отрывок из книги «Нынешнее положение Армении...» д'Арменовиля: «В мире мало наций, которые бы обладали более высокими качествами, чем армянская нация. Везде отмечают, что армяне обладают здравым смыслом и мудростью. Они очень искусны в ведении дел. Это именно они заправляют торговлей на Востоке и способствуют ее развитию во многих крупных городах Европы. Хоть и кажется, что они обладают холодным и мягким темпера-

¹¹ Речь идет об армянском музыкальном инструменте кшоп (арм. քափ).

¹² Кант И. Сочинения в шести томах, т. 6, М., 1966, с. 572–573.

ментом, однако они неустойчивы. Им не стоит никакого труда добираться из глубин Индии до Англии и Голландии. Это преимущественно из них состоят караваны, перемещающиеся по Востоку и идущие в Смирну и Алеппо... Во время этих трудных и длительных путешествий они ведут строгую, воздержанную жизнь, четко соблюдая все предписанные посты; одним словом, большая часть года проходит в путешествиях и в постах»¹³.

Даже при поверхностном взгляде на тексты Турнефора и Флорио д'Арменовиля нельзя не заметить их сходство, единообразие характеристик. Последнее дает основание предположить, что Турнефор имел под рукой книгу д'Арменовиля. Возможно, подобный взгляд на армянскую нацию являет собой обобщенное восприятие европейцами национального характера армян той эпохи.

Французский историк и картограф Никола Сансон (1600–1667), сравнивая грузин, курдов, туркоманов и армян, особо подчеркивает трудолюбие, учтивость и тягу к торговле последних¹⁴.

Турнефор в свою очередь особо отмечает трудолюбие, бережливость, коммуникабельность армян, их воздержанность, скромность, хозяйственность, чистосердечность (*«из всех путешественников армяне наиболее воздержанные в пище и питье, наиболее экономные и наименее кичливые»* (XX, 256)).

Турнефор не столь откровенен относительно отсутствия в турках созидательного начала. Тем не менее он отмечает, что другие народы, будь на месте турок, *«отремонтировали бы порты, построили бы плотины и пристроили бы амбары; однако они не имеют к этому склонности... турки все разрушили своей небрежностью»* (XVI, 4). Говоря о сложностях перехода через Евфрат, Турнефор сожалеет, что не был налажен речной путь сообщения между Эрзерумом и Алеппо, который *«был бы более коротким и безопасным»*, чем сухопутный. А объясняет он это тем, что *«турки оставляют мир таким, какой он есть»* (XVIII, 114).

Три века назад соотечественник Турнефора, Журден де Северак, говоря о стране турок, отметил, что *«земля же эта очень плодородна, но не обработана, ибо турки о ней не заботятся»*¹⁵. Как бы в продолжение севераков-

¹³ Fleuriau d'Armenonville T.C., Etat présent de l'Arménie..., p. 6.

¹⁴ Sanson N., L'Asie, en plusieurs cartes nouvelles et exactes. P., 1658, p. 17.

¹⁵ Журден де Северак. Чудеса, описанные братом Журденом, с. 160.

Особенности армянского национального характера...

ских суждений Турнефор пишет, что *«вся их [турок] жизнь проходит в праздности: есть рис, пить воду, курить, употреблять кофе. Такова жизнь мусульман»* (Amst., I, 7)¹⁶.

В своих характеристиках Турнефор приходит к выводу, что *«во всех действиях турок господствует единообразие. Они никогда не меняют свой образ жизни»* (Amst., XIV, 55). Это единообразие царит во всем, включая музыку. На вопрос бейлербея Кёпрюлю – как он находит турецкую музыку, Турнефор ответил, что она однообразна, на что турок сказал: *«красота в единообразии»* (XVIII, 89).

Представления Турнефора об отношении турок к труду резко контрастируют с его мнением об армянах, которые *«независимо от того, на кого они работают, на себя или на торговцев Джуги, в путешествиях неустойчивы и презирают суровость погоды. Мы видели сколько угодно [таких армян]. Даже самые имущие переходили вброд реки, по горло в воде, чтобы вывести обессиленных лошадей и спасти свои тюки шелка, или же тюки друзей, ибо извозчикам-туркам дела нет до перевозимых товаров»* (XX, 255).

Историк европейской литературы и искусства И. Тэн в работе «Об идеале в искусстве», касаясь вопроса наличия устойчивого ядра в национальном характере, апеллирует к идее «геологического строения» национального характера, заключающейся в том, что стойкость характера народа зависит от глубины залегания пластов, которые он сравнивает с породами в геологии: известняком, мрамором, сланцем, а в глубине – «первобытный гранит, основа всего основного»¹⁷.

Согласно турнефоровскому «взгляду со стороны», «основой всего основного» в характере армян является природное трудолюбие и стойкость. Возможно, эти характерологические доминанты, пассионарность по Л. Гумилеву, были своего рода реакцией на геополитический вызов.

Удивительно, что несмотря на жесткие условия, в которые их поставила жизнь, армянам удалось сохранить доброту, отзывчивость, добросердечность. Миссионер-иезуит Монье, посетивший Армению в 1690 году, в своем «Сборнике путешествий» особо отмечает такие качества армян, как *«здравый рассудок, мудрость, способность к торговле, непрерывное и неустой-*

¹⁶ Relation d'un voyage du Levant: fait par ordre du Roi par M. Pitton de Tournefort t. II, Amsterdam, 1718.

¹⁷ Тэн И. Философия искусства, М., 1996, с. 278.

мое усердие в труде, к которому они питают склонность, естественную доброту, идущую изнутри»¹⁸. Соотечественник и современник Турнефора Жак Виллот, воздавая хвалу душевным качествам армян, приводит цитату из «Моралий на Иову» Григория Двоеслова (кн. 1, стих 1): «он удостоился похвалы за то, что был добрым среди злых. Ибо не так достойно высоких похвал быть добрым среди праведников, как быть добрым среди нечестивых»¹⁹. «Армяне, – продолжает Виллот, – несмотря на гонения, потери, темницы и оковы, всегда были тверды в христианской и даже в католической вере. Кровь многочисленных мучеников, пролитая по всей Армении за преданность и любовь к Иисусу Христу, требовала отмищения и наделила этот народ непоколебимой убежденностью в истинности веры своих отцов»²⁰.

Непоколебимости армян в отстаивании своей веры, вопреки гонениям со стороны магометан, Тавернье посвящает целую главу («Exemples de la fermeté des Arméniens à soutenir leur Religion contre les persecutions des Mahométans»)²¹.

Каково же отношение Турнефора к вероисповеданию армян? В этом вопросе позиция его неоднозначна: он реализует важнейшую жанровую оппозицию путевых записок – «свой – чужой», которая находит отражение в двух ипостасях. С одной стороны, автор включает Армению в христианский мир²², с другой – противопоставляет «свой христианский римско-католический мир» «христианскому не католическому». Таким образом, традиционная для жанра путешествий антитеза получает новый оттенок: «что касается религии армян, – читаем в XX письме, – все знают, что армяне суть христиане, они были бы прекрасными христианами, если бы не схизма, которая отделяет их от нас. Их обвиняют в евтихианстве, т.е. в признании одной божественной природы Христа, скорее двух природ в одном лице» (XX, 259). Армянскую апостольскую церковь Турнефор относит к разряду нека-

¹⁸ Monier L., Recueil de voyages au nord, Amsterdam, t. 6, 1729, p. 20.

¹⁹ Villotte, Voyage d'un missionnaire de la compagnie de Jésus en Turquie, en Perse, en Arménie, en Arabie en en Barbarie, P., 1730, p.533.

²⁰ Там же.

²¹ Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier..., P., 1676, livre IV, ch. XIV, 457.

²² Он констатирует, что армяне уже при «Диоклетиане были христианами. Максимиан подверг христиан жестоким гонениям, однако армяне взяли в руки оружие, дабы защитить свою веру; и это была, как говорит Евсевий, первая за веру война» (XX, 265).

Особенности армянского национального характера...

толических христианских церквей, которая отвергает IV Вселенский Собор, а вместе с ним и все последующие Вселенские Соборы. Так называемые «заблуждения» Армянской церкви вызывают у автора «Путешествия в Левант» сожаление и досаду. *«Какая жалость, – сокрушается он, – что армяне не могут выйти из состояния заблуждения, поскольку у них добрый нрав, и они склонны к благочестию»* (XX, 279).

Вместе с тем он проявляет «творческий подход» в осмыслении традиционного отношения к схизматикам (монофизитам): *«Когда вникают в их вероучение, то обнаруживают положения схизмы, принадлежащие лишь отчасти армянской церкви; так например, неверно считать, что они трижды в году предают анафеме Латинскую Церковь; добрые люди так и не думают, да и богослужебные книги не содержат подобных положений, хотя близко к правде и то, что некоторые неистовые епископы и вардапеты (архимандриты), выступающие против Латинской Церкви, совершали и совершают его [обряд предания анафеме] по сей день, так как в плохо управляемой церкви всякий действует, как разумеет»* (XX, 261). И поскольку все усердия миссионеров по обращению армян в истинную веру оказались безуспешными (*«миссионеры восхищаются своими знаниями, усердием и великодушием, однако схизматики разрушают своими деньгами все то основательное, в чем эти апостольские люди увещевают»*) (XX, 278), и *«армян-схизматиков несказанно больше, чем армян католиков»*, и они *«питают к латинянам непримиримую вражду»*, то, Турнефор приходит к заключению, что *«примирение религий – чудо, которое господь содеет, когда рассудит за благо, и что только небеса могут помочь в деле обращения схизматиков»* (XIX, 190). В этом вопросе с ним солидарны многие путешественники. Так, Шарден, столкнувшись на протяжении своего путешествия по Востоку с непоколебимостью армян в своей вере, приходит к заключению, что *«это удивительно и, если хотите, непостижимо: несмотря на то, что они [армяне] на протяжении почти одиннадцати веков находятся под мусульманским владычеством..., тем не менее они крепки в своей вере; они ее поддерживают и не хотят принять другую веру, удерживаясь равно как против посягательств мусульман – их властителей, так и против миссионеров римской церкви»*²³. Шарден констатирует, что, как правило, попытки приобще-

²³ Chardin J., Voyages du Chevalier Chardin, en Perse, et autres lieux d'Orient, vol. 2, P., 1811, p. 184–185.

ния армян к римской церкви терпят неудачу: *«по возвращении из Европы армяне становились гораздо больше армянами и начинали проклинать папу римского Льва, который, как они полагали, повинен, как и его преемники, в расколе церквей Запада и Востока, и продолжали гнушаться положений католической церкви, противных их учению»*²⁴.

Из сказанного можно заключить, что отношение армян и европейцев друг к другу двойственное. С одной стороны, наблюдается их притяжение друг к другу, ибо они принадлежат к единому христианскому миру, с другой – отталкивание в силу того, что они относятся к разным ветвям христианства в результате «Великого раскола» между Восточной и Западной церквями (XIX, 190).

В то же время, если Запад традиционно отождествляется с цивилизацией, то Восток – с непросвещенностью. И поскольку Армения географически воспринималась как восточная страна, то на нее частично распространялись сложившиеся в общественном сознании европейцев традиционные представления о Востоке. Однако в данном случае уместно говорить о некоторой несхожести армянских обычаев, а также церковных таинств, обрядов и праздников с европейскими как о культурной неоднородности.

Что подразумевается под инакостью армян? В первую очередь, это непросвещенность народа, включая духовенство: *«в их проповедях приводятся плохо изложенные и пересказанные притчи, невразумительные и неразъяснимые отрывки из Писания, и какие-то, неясно, правдивые или вымышленные истории»*; у них существуют странные и неприемлемые обряды и традиции, в том числе и церковные, к примеру, жесткие посты или жертвоприношение животных; *«их детей сговаривают вскоре после рождения», «женичины и мужчины празднуют порознь»* и т.д..

Осознание превосходства европейских народов и западноевропейской цивилизации над другими народами и цивилизациями имплицитно присутствует в интерпретации восточного и, в частности, «армянского мира». Турнефор подчеркивает цивилизационную роль «рационального и развитого» Запада: *«церкви их, с тех пор как они увидели наши, отличаются чистотой»*; *«они [миссионеры] очистили их богословские книги от заблуждений, которые нас со схизматиками разделяют»*; *«они наставляют желающих, крестьян, возвращают в стадо заблудших овец, открывают врата рая для*

²⁴ Там же, т. II, p.185.

Особенности армянского национального характера...

избранных» и т. д. (XX, 278). Превосходство «западного» над «незападным» – этот взгляд с высоты европейского величия прослеживается в оценке всего: религии, одежды, быта, пищи, включая особенности национального характера и склада мышления, а также характеристики отдельных личностей.

Что касается армян - католиков (*«армянские монахи, как правило, схизматики или католики. Схизматики придерживаются правил Св.Василия, католики же – Св. Доминика»* (XX, 271)), то к ним у Турнефора особое отношение: в данном случае «чужие» воспринимаются как «свои» и включаются в понятие «мы». *«Около 1320 года, – пишет Турнефор, – представитель доминиканского ордена, отец Варфоломей, в пору правления папы Иоанна XXII, обратил в католическую веру многих армян, и этот великий миссионер учредил множество монастырей своего ордена; некоторые все еще находятся в области Нахичевана, между Тебризом и Ереваном... С целью воспитания достойных людей в Рим время от времени посылаются молодые люди для приобщения к науке и воспитания в духе ордена Св. Доминика. Каждый монастырь находится в пригороде, и в этой части города насчитывают приблизительно 6 тысяч католиков. Эта небольшая паства живет праведно... она достаточно образована и нет на всем Востоке лучшие христиан, чем они»* (XX, 271–272).

Репрезентируемый Турнефором национальный образ армянина, безусловно, субъективен: у него свое собственное «прочтение» и толкование образа, однако в то же время это продукт коллективного, европейского восприятия. Оценка Турнефором национального характера на основе наблюдений и контактов в какой-то степени является типичной для литературы путешествий той эпохи. Турнефор отчасти исходил из уже существующих о народах, в частности, об армянах, представлений – коллективных гетеростереотипов, транслируемых литературой путешествий. Почти все без исключения путешественники интересовались особенностями национального характера народов, с которыми им предстояло столкнуться на Востоке. Однако следует дифференцировать их цели в постижении национальной специфики. Купцу-путешественнику нужно было знать, с кем он будет заключать торговую сделку, насколько народ честен и надежен. Миссионера в первую очередь интересовало, насколько народ силен и нестигаем в своей вере и предан своей национальной церкви и, в связи с этим, насколько реальна возможность изменения его религиозной ориентации – обращения в католичество. Что же касается Турнефора – ученого-систематика, то он, основыв-

ваясь на фактах, проявляет системный подход в изучении и отображении национальных типов, говоря языком ботаников (каковым являлся Турнефор) – видов, с установлением их сходства и различий. Опираясь на общие принципы типологии, он пытается выделить устойчивые характеристики различных этносов. И, как это характерно для литературы путешествий рассматриваемого периода, предоставляющей богатый материал по формированию представлений о восточных народах, наблюдения путешественника обобщаются в качестве типичного для данной культуры явления.

**MANIFESTATIONS OF THE ARMENIAN NATIONAL
CHARACTER IN TRAVEL LITERATURE AS EXEMPLIFIED
BY “A VOYAGE INTO THE LEVANT” BY JOSEPH DE
PITTON TOURNEFORT**

KARAGEZYAN G.

Summary

A well-known French traveler, Member of the Paris Academy of Sciences, professor of botany at the Royal Garden of Medical Plants in Paris, Joseph Pitton de Tournefort made a journey to Greece, Asia, Persia, Georgia and Armenia in 1700–1702. His account of the journey (“*Relation d'un voyage du Levant*”) was presented in the form of letters (22 letters, addressed to his client, Louis Philipp de Pontchartrain, the Chancellor of France. The Armenian part of his “*Relation d'un voyage du Levant*” is mainly contained in letters 18 to 22, however the mentions of the Armenians and representation of Armenian-related geographic and cultural realities can be encountered along his whole itinerary in Asia Minor.

The trip to Levant by Tournefort was mainly aimed at investigating problems of natural science. However, being a man of broad outlook and inquisitive mind he could not skip questions beyond the scope of his scientific interests. Proceeding from the principles of general typology, he attempts to identify different ethnic formations describing their characteristic features. Appropriate to the travel literature of the period, massive data on the Eastern nations, the Armenians in particular are referred to, and the description of a single case as typical of a given culture is presented.

**ՀԱՅ ԱԶԳԱՅԻՆ ԲՆԱՎՈՐՈՒԹՅԱՆ
ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՈՒՂԵԳՐԱԿԱՆ
ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ
(ԸՍՏ ՏՈՒՐՆԵՓՈՐԻ «ՃԱՆԱԳԱՐՀՈՐԴՈՒԹՅՈՒՆ ԴԵՊԻ
ԼԵՎԱՆՏ» ԳՐՔԻ)**

ԿԱՐԱԳՅՈՉՅԱՆ Գ.

Ամփոփում

Ֆրանսիացի հայտնի ճանապարհորդ, բուսաբանության պրոֆեսոր, Փարիզի գիտությունների ակադեմիայի անդամ Ժոզեֆ Պիտոն դե Տուրնեֆորը 1700–1702 թթ. ճանապարհորդել է Հունաստանով, Փոքր Ասիայով, Պարսկաստանով, Վրաստանով և Հայաստանով: Ուղեգրության նկարագրությունը («Ճանապարհորդություն դեպի Լևանտ») նա ներկայացրել է Ֆրանսիայի կանցլեր Լուի Ֆիլիպ դե Պոնշարտրենին ուղղված նամակների տեսքով (22 նամակ): «Ճանապարհորդության» հայկական հատվածը հիմնականում ընդգրկված է 18-ից 22-րդ նամակներում, թեև հայկական աշխարհի հետ կապված աշխարհագրական և մշակութային իրականության արտացոլումը կարելի է գտնել Փոքր Ասիայով նրա անցած երկար ճանապարհի նկարագրության տարբեր հատվածներում: Տուրնեֆորի շրջագայությունը Լևանտում նպատակ ուներ հիմնականում հետազոտելու բնագիտական խնդիրներ: Սակայն լինելով լայնահայաց և պրպտուն մտքի տեր մարդ, նա չէր կարող չանդրադառնալ նաև այլ խնդիրների: Հիմնվելով տիպաբանության սկզբունքների վրա, նա փորձում էր առանձնացնել ազգերի կայուն բնութագրերը: Եվ, ինչպես բնորոշ է այդ ժամանակաշրջանի ուղեգրական գրականությանը, դիտարկվող եզակի դեպքը ներկայացնում է, որպես տվյալ մշակույթի համար տիպական երևույթ: